

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 21
Выпуск 3

2024
Сентябрь

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА
ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СПбГУ. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА» ВЫХОДИТ В СВЕТ С МАРТА 2004 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Баранов Д. К.</i> Специфика материализации образа в поэтике цикла «Лабиринты Ехо» Макса Фрая	528
<i>Карпов Н. А.</i> Проблема мизогинии в творчестве Саши Черного	547
<i>Сартаков Е. В.</i> Первые переводы произведений Гоголя в Сербии (1849–1860 гг.)	566
<i>Симонова Л. А.</i> Политическая трагедия Ж. де Ротру «Хосров» (идейный спор с театром П. Корнеля).....	581
<i>Якушкина Т. В.</i> Петрарка и его «Книга песен» в русской культуре XX в.....	600
<i>Alenkina T. B.</i> Experimental essay by Robert Boyle as an emerging genre in Early Modern England.....	623
<i>Habash F. B. K.</i> Intertextuality in T. S. Eliot’s “Old Possum’s Book of Practical Cats”: A post-structuralist approach	638

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2024

ЛИНГВИСТИКА

<i>Баранов А. Н., Добровольский Д. О.</i> Дискурсивные практики в динамике системы русской фразеологии: на примере фразеологизмов-конструкций	655
<i>Гращенков П. В., Студеникина К. А., Паско Л. И.</i> Ограничение сочинительного острова в лингвистической компетенции больших языковых моделей	668
<i>Ивасик Д. А.</i> К вопросу о гендерных моделях речевого поведения: авторитарность как характерная черта мужской речи (на материале текстов англоязычных авторских блогов жанра lifestyle)	689
<i>Ландер Ю. А., Багирова И. Г., Унарокова Ш. Ш.</i> Обособленный топик в абхазо-адыгских языках	701
<i>Муллонен И. И., Новак И. П.</i> Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII — начала XVIII в.	720
<i>Нурғали К. Р., Бейсенова Ж. С., Нурғали Р. Р.</i> Казахская детская литература в контексте мировой: опыт «дальнего чтения»	741

На журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-73026
от 6 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Главный редактор *Л. Н. Полубояринова*, д-р филол. наук, проф.

Редактор русского текста *Н. А. Мирзоева*

Корректор *Ю. А. Стрельбицкая*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Дата выхода в свет 21.11.2024. Формат 70×100¹/₁₆.

Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 17. Тираж — 50 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

LITERARY STUDIES

<i>Baranov D. K.</i> The specifics of the materialization of the image in the poetic cycle “The Labyrinths of Echo” by Max Frei.....	528
<i>Karpov N. A.</i> The problem of misogyny in Sasha Cherny’s works	547
<i>Sartakov E. V.</i> The first translations of Gogol’s works in Serbia (1849–1860)	566
<i>Simonova L. A.</i> Political tragedy by J. de Rotrou “Cosroes” (ideological dispute with P. Corneille’s theater)	581
<i>Yakushkina T. V.</i> Petrarch and his “Canzoniere” in the Russian culture of the 20 th century.....	600
<i>Alenkina T. B.</i> Experimental essay by Robert Boyle as an emerging genre in Early Modern England.....	623
<i>Habash F. B. K.</i> Intertextuality in T. S. Eliot’s “Old Possum’s Book of Practical Cats”: A post-structuralist approach	638

LINGUISTICS

<i>Baranov A. N., Dobrovolskij D. O.</i> Discursive practices in the dynamics of the system of Russian phraseology: A case of constructional phrasemes.....	655
<i>Grashchenkov P. V., Studenikina K. A., Pasko L. I.</i> Coordinate structure constraint in the linguistic competence of large language models.....	668
<i>Ivasik D. A.</i> On gender features in speech: Dominance as a characteristic of male speech (based on the texts of English lifestyle-blogs).....	689
<i>Lander Yu. A., Bagirokova I. G., Unarokova Sh. Sh.</i> Left-dislocated topic in West Caucasian languages.....	701
<i>Mullonen I. I., Novak I. P.</i> Old-Karelian language features in written language heritage of the second half of the 17 th — early 18 th centuries.....	720
<i>Nurgali K. R., Beisenova Zh. S., Nurgali R. R.</i> Kazakhstan children’s literature in the context of world literature: An experience of “distant reading”	741

Муллонен Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
irma.mullonen@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

Новак Ирина Петровна

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
novak@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII — начала XVIII в.*

Для цитирования: Муллонен И.И., Новак И.П. Древнекарельские языковые особенности в памятниках письменности второй половины XVII — начала XVIII в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (3): 720–740.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312>

В статье представлены результаты исследования фонетической, фонологической и морфологической систем трех словарных памятников середины XVII — начала XVIII в. на собственно карельском наречии карельского языка: 1) карельско-русские словарные записи, произведенные архимандритом Феофаном в 1667 г. на Соловецких островах; 2) карельско-русский словарь Прохора Коломнятина 1668 г., предположительно записанный в Верхневолжье или в Северном Приладожье; 3) русско-карельский словарь начала XVIII в. из собрания П.П. Вяземского, источником для которого, очевидно, послужили говоры Средней Карелии. Впервые предпринятый в рамках настоящего исследования сравнительный анализ относительно идентичных материалов этих памятников, в том числе с привлечением данных современных собственно карельских диалектов, позволил выявить некоторые особенности карельского языка периода массовых переселений карелов. С точки зрения фонетической системы обращают на себя внимание такие явления, характеризующие заключительный этап функционирования древнекарельского языка, как незавершенность процесса дифтонгизации, сокращение геминат в позиции перед сужающимися дифтонгами, оппозиция согласных по глухости/звонкости, различие свистящих и шипящих щелевых, слабая степень палатализации переднеязычных согласных. Очевидно, языку карелов-переселенцев было свойственно наличие всех видов альтернации согласных, представленных в современных собственно карельских диалектах. Словарный характер материалов источника не позволил реконструировать полные словоизменительные парадигмы карельского языка анализируемого периода времени. Имеющихся данных, однако, оказалось достаточно, чтобы сделать заключение об относительной устойчивости морфологической системы собственно карельского наречия карельского языка, проявляющей себя уже на про-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 124022000089-4 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

тяжении нескольких столетий. Представленные в исследовании материалы займут достойное место в процессе изучения исторического развития карельского языка и становления его диалектной системы.

Ключевые слова: старописьменные памятники, карельский язык, фонетика, словоизменительная система, диалектология.

Введение

XVII в. был во многом определяющим как для истории карельского этноса, так и для формирования карельской диалектной карты. В результате многовекового российско-шведского противостояния исконно карельские земли в Приладожье отошли Швеции, что привело к массовой миграции карелов на территорию российского Северо-Запада. Именно в это время образуются большие карельские анклавы в верхнем Поволжье (тверские, валдайские, тихвинские карелы), активно осваивается территория современной Карелии, а в южных ее пределах происходит формирование двух карельских наречий (ливвиковского и людиковского) — как результат карелизации местного вепсского населения.

Именно к этому времени относится появление нескольких значимых для истории карельского языка рукописей, что, конечно, сопряжено с выходом карелов на авансцену российской жизни.

Старописьменные памятники середины XVII — начала XVIII в. являются уникальным источником для изучения истории карельского языка с момента перехода от древнекарельского этапа развития к современному, его исторических грамматики и диалектологии. К настоящему моменту обнаружено три словарных списка, относящихся к данному периоду времени:

- карельско-русские словарные записи из списков «Азбучного патерика» библиотеки Соловецкого монастыря¹, сделанные в 1667 г. архимандритом Феофаном. Записи хранят особенности, свойственные собственно карельским тунгудско-кемским говорам Поморья [Муллерен, Панченко 2013: 31–32];
- карельско-русский словарь «Сказание о преведении корельскаго речения на слове(н)ский» 1668 г. из «Цветника» Прохора Коломнятина, предположительно записанный в Верхневолжье [Памятники лексикографии];
- русско-карельский словарь начала XVIII в. из рукописного сборника из бывшего собрания П. П. Вяземского, содержание (лексика торговой тематики, названия пушных зверей) и старообрядческий фон которого указывают на то, что его владельцем или даже составителем мог быть человек, ведший торговые операции в Карелии [Перетц 1903: 3–4; Мещерский 1961: 30]. Данное предположение подтверждает использование ландшафтного термина *вара* ‘гора’, маркирующего собственно карельские говоры Карелии, а также употребление паданско-тунгудского варианта *пагая* гласной основы глагола *paissa* ‘говорить’.

Кроме словарного характера материалов и времени создания, все перечисленные памятники объединяет их близость к современным южнокарельским диалектам собственно карельского наречия, распространенным в Средней Карелии и Верхневолжье. Оба региона сформировались на основе миграционного потока

¹ Соловецкое собр. РНБ, № 648/706.

XVII в. из Северного Приладожья. Таким образом, анализируемые источники отражают язык, на котором говорили карелы-переселенцы на своей исторической родине. При этом важно отметить, что собственно карельское наречие — прямой наследник древнекарельского языка. В отличие от ливвиковского или людиковского, за прошедшие столетия оно подверглось минимальным изменениям, и разделенные языковые коллективы сохранили значительное языковое единство.

Исследователи обращались к анализируемым словарям неоднократно. Так, карельско-русские словарные записи из библиотеки Соловецкого монастыря впервые были описаны проф. И. Я. Порфирьевым [Описание рукописей]. Расшифровка документа была выполнена финским славистом И. Ю. Миккола, обратившим внимание на особенности дистрибуции переднеязычных щелевых согласных и палатализации в языке памятника [Mikkola 1901; 1932]. В 1961 г. была опубликована расшифровка Н. А. Мещерского [Мещерский 1961]. Уточнить авторство и время создания списка удалось авторам научного издания «Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан» [Муллонен, Панченко 2013].

Русско-карельский словарь начала XVIII в. впервые привлек внимание известного исследователя древнерусской литературы В. Н. Перетца [Перетц 1903]. К описанию графо-фонетических особенностей языка памятника в середине XX в. также обращался Мещерский [Мещерский 1961].

Недавно обнаруженный в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина карельско-русский словарь был подвержен подробному лингвистическому анализу и также успел стать объектом нескольких научных статей [Савельева 2019; Савельева и др. 2021; Муллонен, Новак 2023].

В рамках настоящего исследования предпринята первая попытка сравнительного анализа карельского лексического материала отмеченных памятников с целью реконструкции карельского языка периода массовых переселений карелов, т. е. древнекарельского языка заключительного периода существования, что, в свою очередь, позволит расширить горизонты изучения фонетической, грамматической и лексической структур карельского языка в диахроническом аспекте.

Материалы и методы

Фактическим материалом для настоящего исследования выступили около 80 слов, записанных архимандритом Феофаном в 1667 г., 600 слов из «Цветника» Прохора Коломнятина 1668 г., а также 116 лексем и выражений из русско-карельского списка начала XVIII в. Все записи произведены средствами кириллической графики. В них представлены самые необходимые для повседневного общения слова и выражения: термины родства, названия предметов домашней утвари, продуктов питания, животных, рыб, формулы общения, а также церковная лексика. Данные лексические материалы отражают, главным образом, общекарельский лексический фонд. Несмотря на это, отдельные фонетико-морфологические критерии позволяют относить их к собственно карельскому наречию карельского языка.

Различный объем материалов памятников, а также очевидные отличные цели их фиксации позволяют получить лишь единичные полные списки соответствий

по всем источникам: юмала/Юмала/*юмала*² ‘Бог’; ш’у́вѧ/*сюва* ‘есть’ / Сю ‘ешь’; пѣрти/*Пѣръти/перти* ‘изба’; рѣбо/*Рѣбо/ребо* ‘лиса’; ’ано/*Анѣна/анна* ‘дай’. Двучленных соответствий выявлено значительно больше — порядка 80 (см. табл. 1). В целом следует отметить, что представленный в списках материал, даже несмотря на не всегда адекватную передачу средствами кириллической графики XVII в., отличается довольно последовательной фиксацией основных фонетических и грамматических особенностей карельского языка, в связи с чем может быть использован в качестве основного источника для реконструкции языка карелов-переселенцев, т. е. древнекарельского языка.

Таблица 1. Сопоставление лексических материалов памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
мороз	—	<i>Па́къкана</i>	<i>пакказеста</i> ‘от мороза’
слышу	—	<i>Ку́ланъ</i>	<i>куле</i> ‘услышь’ <i>кулетро</i> ‘слышишь ли’ <i>кулитго</i> ‘слышал ли’
видел	—	<i>На́й</i>	натко
пуговицы	нѹбѧ	<i>Нѹбѧть</i>	
широкий	—	<i>Лѣ́ѧ</i>	левия
отец	—	<i>’Иза та́ѧта</i>	тато
мать	—	<i>Ма́мо</i>	мамо
сын	—	<i>По́ѧка</i>	пойга
брат	—	<i>Вѣ́ѧли</i>	велми
девушка	—	<i>Не́ѧчѹть</i>	нейчѹть
хлеб	—	<i>Лѣ́ѧ</i>	лейбя
масло	—	<i>Во́ѧ</i>	вои
котел	ка́ [†] тыла	<i>Касты́ла</i>	—
голодный	—	<i>На́ѧлкачнѧ</i>	налгя
рыба	—	<i>Ка́ла</i>	кала
щука	гавѧ	<i>Га́ѧка</i>	—
лещ	ла́гна	<i>Ла́гѧ</i>	—
окунь	агве [†]	<i>’Агѣвень</i>	—
плотва	сѧрги	<i>Ша́ръки</i>	—
лосось	—	<i>Ло́ѧи</i>	логи

² В тексте статьи обычным шрифтом приводятся примеры из карельско-русского словаря 1667 г. (по расшифровке из работы [Муллонен, Панченко 2013]), *курсивом* — из карельско-русского словаря 1668 г. (по расшифровке из работы [Савельева и др. 2021]), *полужирным курсивом* — из русско-карельского словаря начала XVIII в. (по расшифровке из работы [Мещерский 1961]).

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
келья топится	—	<i>Кэльла ләмәпйа</i>	<i>Ляммитя</i> 'истопи'
дверь	—	<i>’Ови</i>	ови
окно	еккуна	<i>’Икькуна</i>	—
печь	кивга / кивга	<i>Кйвѣка</i>	—
огонь	тўли	<i>Тўли</i>	—
уголь	гйли	<i>Хйли</i>	—
закрой	—	<i>Шялѣба</i>	салба
соль	шола	<i>Шо́ла</i>	—
блюдо	лѳда / лўда	<i>Лѳта</i>	—
миска	сталца	<i>Ста́витѣца</i>	—
горшок	па́да	<i>Па́та</i>	—
ведро	ре ^н ги	<i><P>ёньки</i>	—
квас	—	<i>Ва́шѣша</i>	вааса
собака	ко ^н ра	<i>Ко́йра</i>	—
кошка	ка́зи	<i>Ка́зи</i>	—
мышь	гйри	<i>Хйри</i>	—
бревно	гйржи	<i>Хйрѣжи</i>	—
лось	—	<i>Гйрѣви</i>	гирви
медведь	—	<i>Ко́нѣдыа</i>	конды
волк	гукка	<i>Ку́кѣка</i>	—
куница	—	<i>На́та</i>	нядя
бобр	—	<i>Ма́й</i>	мая(ва)
белка	—	<i>’Ойрава</i>	орава
горностай	—	<i>По́рѣтыма</i>	пордымо
железо	—	<i>Ра́вѣда</i>	равда
замок	лўкку	<i>Лу́кѣку</i>	—
ключ	авань	<i>’Ава́нѣ</i>	—
церковь	кири ^к ко	<i>Ки́рикѣко</i>	—
крест	ри ^с тй	<i>Рй́сти</i>	—
колокол	кёлло	<i>Кёрѣло</i>	—
мертвый	—	<i>Ко́льа</i>	куолия куоллутъ
умер	—	<i>Ко́ли</i>	куоли

Понятие	Карельско-русская запись 1667 г.	Карельско-русская запись 1668 г.	Русско-карельская запись начала XVIII в.
говорить по-карельски	ка́рла́зи, па ^и са	пáйса ка́ръалаишкí	—
говори	—	Па́кизе	пагая
ты	—	Шíа	сия
тебе	—	Шíвълу	сиоула
твой	—	Шíу	сиоунъ
мой	—	Ми́унъ	миунъ
принеси	—	Тúо	туо
умеешь	мага ^т	Мага́нъ ‘умею’	—
возьми	—	’Ота́	оттаа ‘братъ’
спать	ма́та	ма́та	—
купи	—	’Осы́ша	осса
продай	—	Мю́а	мюо
покажи	—	’Ожуто	ожюта
хороший	—	Кю́а	гювя
плохой	—	Па́ла	пага
дорогой	—	Ка́льлись	каллис
перо	шу ^т га	Шу́лка	—
воск	ва́га	Ва́га	—
свеча	тушъ	То́гушъ	—
Кто там?	—	Кéнь жíль	сиэла/сиэляго ‘там ли’
спроси	—	Кю́жю	кюзюна ‘прошу’
вынеси	ка ^и нна	—	канна
здоровый	тёрвè	—	оле тервегена ‘будь здоров’
закрой	шула	—	суле
город	линна	—	линна

К работе привлекаются также диалектные данные второй половины XX в. по 15 говорам карельского языка Карелии и Центральной России из «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007). Исследование основано на применении метода филологического анализа и сравнительно-исторического (главным образом с привлечением внутренней реконструкции) метода.

Результаты исследования

Анализ лексических материалов памятников, основанный на сравнении словарных записей между собой и с данными современных собственно карельских диалектов карельского языка, позволяет сделать ряд выводов относительно фонетической, фонологической и словоизменительной систем карельского языка конца XVII в.

Фонетическая система

Системы кратких **гласных звуков**, представленные в словарных списках, совпадают как друг с другом, так и с современным собственно карельским вокализмом (см. табл. 2).

Таблица 2. Система гласных памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

Гласные	Переднего ряда		Среднего ряда	Заднего ряда	
	нелабиализованные	лабиализованные		нелабиализованные	лабиализованные
Верхнего подъема	<i>i</i>	<i>y</i>	<i>i</i>	—	<i>u</i>
Среднего подъема	<i>e</i>	—	—	—	<i>o</i>
Нижнего подъема	<i>ä</i>	—	—	<i>a</i>	—

Обращает на себя внимание практически полное отсутствие в источниках случаев фиксации **долгих гласных**, характерных для всех современных диалектов карельского языка, что, очевидно, является следствием восприятия данного явления через призму особенностей ударного слога русского языка, например: *Ку́ланъ* ‘слышу’, *ку́ле* ‘услышь’, *пу* ‘дерево’, *Кю́наспа* ‘локоть’, *ш’у́вья/сю́ва* ‘есть’, *ги́ли/Хи́ли* ‘уголь’, *ги́ри/Хи́ри* ‘мышь’, *си́би* ‘крыло’, *тия́тко* ‘знаешь ли’ (ср. с. к.³: *kuilen/kuwlen*, *kuule/kuwle*, *puu/puw*, *kyunes’piä/kywnes’piä*, *šyvvä/syvvä/šywwä*, *hiili*, *hiiri*, *šiibi/siibi*, *tijätko/tijätgo*), но *Ви́йзаишъ* ‘хитрый’ (ср. с. к.: *viizaš*). Процесс дифтонгизации (преобразования второго компонента долгих гласных в аппроксимант, например *Тю́вьни* ‘тихий’ (ср. с. к.: *tyuni/tywni*), характерный для всех тверских карельских говоров [Новак 2016: 33–34], очевидно, не был свойственен языку выходцев из Приладожья, на что указывает отсутствие следов фиксации данного явления в анализируемых источниках.

На фоне прибалтийско-финской группы языков карельский выделяется обильной **дифтонгизацией**. Для сужающихся дифтонгов, заканчивающихся на лабиализованные гласные верхнего подъема, в отличие от соответствующих долгих гласных, в тексте словарей наблюдается преобразование их конечного компонента в полугласный *w*, например: *сáвня* ‘язь’, *гав’ги* ‘щука’, *кив’га/Ки́в’га* ‘печь’, *Рáв’да/рав’да* ‘железо’, *Нóв’же* ‘встань’, *лов’винь* ‘нашел’, но встречаются и редкие случаи сохранения гласного, например: *Ми́у’нь/миу’нь* ‘мой’. Представленная в памятни-

³ С. к. — собственно карельское наречие карельского языка.

ках орфография, таким образом, может являться указанием на характерное для карельского языка того времени явление перехода второго компонента сужающихся дифтонгов в аппроксимант, что могло быть вызвано влиянием фонетической системы русского языка. Однако такая графика могла быть спровоцирована и русским фонотаксисом собирателей материала, что кажется более очевидным в связи с рассмотренным выше отсутствием аналогичного перехода в долгих гласных.

Восходящие к прибалтийско-финскому языку-основе сужающиеся дифтонги на *i* не обнаруживают каких-либо отличий в современных собственно карельских говорах, что подтверждается и словарными записями, например: *Пóйка/пойга* ‘сын’, ко^нра/*Кóйра* ‘собака’, *Лéйна/лейбя* ‘хлеб’, па^нка ‘платок’. Для языка памятников, как и для основной массы современных собственно карельских диалектов, характерно отсутствие сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* (*-ze- < *-ise-*), например: вúкконе ^ава^нга^{не} букв. ‘старичок старенький’, *Пáкъкана* ‘мороз’ / *пакказеста* ‘от мороза’, *Кю́льлане* ‘сытый’, *Вáръбуне* ‘воробей’, *юмалагине* ‘божественный’. Он представлен в родственных прибалтийско-финских языках и реконструируется исследователями для прибалтийско-финского праязыка [Leskinen 1998: 380–381]. Карельские памятники свидетельствуют о выпадении второго компонента дифтонга еще в древнекарельский период функционирования языка.

В отличие от сужающихся, расширяющиеся дифтонги, развившиеся из прибалтийско-финских праязыковых долгих гласных **aa*, **ää*, **ee*, **oo*, **öö*, в словарных записях редки. Это связано главным образом с относительно последовательным их отображением одиночными гласными, например: *Хáна* ‘осина’, *мáта/мáта* ‘спать’, *Нáта/нядя* ‘куница’, *Пá* ‘голова’, *тýля* ‘здесь’, *шóла/Шóла* ‘соль’, *’ió^кши* ‘бежал’, *лóда/лúда/Лóта* ‘блюдо’, *тушъ/Тóгушъ* ‘свеча’, *вúжи* ‘год’, *Нéгла* ‘игла’ (ср. с. к.: *huaba/hoaba/haaba, tuata/moata/maata, niätä/niädä, piä/peä/pää/pee, tiälä/teälä/täälä, šuola, juokši, luoda, tuohuš, vuoži, niegla*) и в целом укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык. При этом во всех анализируемых памятниках встречается некоторое число примеров с расширяющимися дифтонгами, например: *Тúо/туо* ‘принеси’, *мúо* ‘продай’, *лúо* ‘бей’, *вóуоть* ‘жди’, *юота* ‘напои’, *лфневь* ‘будет’, *Кýль* ‘язык’, — что указывает на их наличие в языке информантов. Следует также обратить внимание на представленные в словарных записях 1668 г. и начала XVIII в. признаки явления расширения дифтонгов *ио*, *уö*, *ie*, характерного для отдельных современных тверских карельских говоров, например: *Шíа/сия* ‘ты’, *Тíа* ‘дорога’, *Вúа* ‘пояс’, *Шúа* ‘ешь’ (ср. с. к.: *šie, tie, vuö, šuö*). В данном случае речь, очевидно, вновь идет об особенностях восприятия карельского вокализма носителями русского языка, а также очевидными трудностями, вызванными передачей переднерядных гласных средствами кириллической графики.

Тенденция к дифтонгизации, очевидно, получила развитие в прибалтийско-финских языках с долгих гласных **oo > ио*, **öö > уö*, **ee > ie*, что нашло отражение не только в карельском, но и в финском языке. Дифтонгизация долгих **aa*, **ää* является сугубо карельским процессом, ее начало принято относить к XI–XII вв. [Rapola 1966: 350–355]. Особенности передачи дифтонгов в тексте анализируемых источников одиночными гласными, к сожалению, не могут помочь прояснить, завершился ли этот процесс к моменту массового переселения карелов. Стоит отме-

тить лишь, что, в отличие от представленных в словарях в виде дифтонгов рефлексов долгих **oo*, **öö*, **ee*, последователи долгих **aa*, **äa* (в том числе образованных в результате стяжения) переданы исключительно одиночными гласными (кроме **оттаа** ‘брат’), как и долгие **ui*, **uu*, что может быть свидетельством их сохранения в языке анализируемого периода. При этом дифтонги *ua*, *iä*, *uä*, на большей территории распространения современных собственно карельских диалектов являющиеся рефlekсами долгих **aa*, **äa*, в языке памятников отмечены лишь в связи с рефlekсами долгих **oo*, **öö*, **ee*. Таким образом, в случае наличия в языке информантов дифтонгов *ua*, *iä*, *uä* в качестве рефлексов долгих **aa*, **äa*, собиратели могли бы зафиксировать их. В собственно карельских диалектах Средней Карелии и Центральной России явление получило самое различное продолжение [Бубрих и др. 1997: 4–5], что опять же указывает на незавершенность процесса дифтонгизации к середине XVII в.

Система согласных языка анализируемых памятников представлена в табл. 3. Важно отметить, что согласный *f* отмечен исключительно в словаре 1668 г., в соловецких записях отсутствует фиксация согласного *č*, а в русско-карельском списке — согласных *c* и *š*.

Таблица 3. Система согласных памятников карельской письменности второй половины XVII — начала XVIII в.

По месту образования				губные		язычные				гортанные
				губно-губные	губно-зубные	переднеязычные		средне-язычные	задне-язычные	
						зубные	нёбно-зубные			
По способу образования				тв.	тв.	тв.	тв.		тв.	тв.
шумные	смычные	взрывные	глу-хие	<i>p</i>	—	<i>t</i>	—	—	<i>k</i>	—
			звон-кие	<i>b</i>	—	<i>d</i>	—	—	<i>g</i>	—
		аффрикаты	глу-хие	—	—	<i>c</i>	<i>č</i>	—		—
	щелевые	срединные	глу-хие	—	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	—	—	<i>h</i>
			звон-кие	—	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>j</i>	—	—
	сонорные	смычные	носовые	звон-кие	<i>m</i>	—	<i>n</i>	—	—	—
щелевые		боковые	звон-кие	—	—	<i>l</i>	—	—	—	—
дрожжащие		звон-кие	—	—	—	<i>r</i>	—	—	—	

Распределение согласных в границах слова не отличается от современного представительства: в начале слова в исконной карельской лексике выступают со-

гласные *k, t, p, n, l, m, r, h, v, s/š, j*; внутри слова возможно использование всех согласных звуков; для абсолютного конца слова характерно наличие согласных *t, n, h, v, l, š/s, r*. В данной связи стоит также обратить внимание на тот факт, что свойственный большей части современных южнокарельских говоров собственно карельского наречия Карелии переход *j > d'* не нашел отражения ни в одном из анализируемых источников, например: юмала/Юмалà/юмала 'бог', погья 'дно', 'iо́кши 'бежал', 'Ярьви 'озеро', 'Шки 'река', юота 'напой'.

В тексте памятников адекватно переданы **геминаты**, например: кáттыла 'котел', еккуна 'окно', гукка/Кукъка 'волк', лукку/Лукъку 'замок', Пáкккана 'мороз', Кáкккаръ 'блины', Хáттаратъ 'портянки', **гавиття** 'губитель', Шáппатъ 'сапоги', 'Анопъни 'теща', кёлло 'колокол', ке́лла 'рукой', Вéльли/вельлюонъ 'брат/братец', Кáльлисъ/каллис 'дорогой', Кióльлане 'сытый', ка́нна/канна 'вынеси', ли́на/линна 'город', ва́ны 'обруч', 'А́нна/анна 'дай', Лáмъ ми 'тепло', Лáмъмашъ 'овца', **ляммитя** 'истопи', ношша 'подними', Вáшшша 'квас', **осса** 'купи', **армасса** 'помилуй', **ловвинъ** 'нашел', Пúцци 'бочка'. В позиции после сонорного согласного ситуация с передачей геминат разнится. С одной стороны, во всех списках встречается пример без геминаты пёрти/Пёръти/**перти** 'изба', из словаря 1668 г. к нему можно добавить также лексемы Сёръни 'серп', Чёръку 'синица', Тáлътá 'долото'. Однако наряду с ними имеется пример с геминатой Кёрънъно 'блоха', как и лексема палъкка 'наём' из русско-карельского словаря. Сохранение геминат в позиции после сонорных согласных является характерной чертой современных собственно карельских говоров Карелии в отличие от говоров Центральной России. Исследователи карельской диалектной речи склоняются к тому выводу, что сокращение удвоенных согласных в рассматриваемой позиции произошло в ряде говоров уже в ходе их самостоятельного развития [Leskinen 1933: 41]. Представительство в текстах памятников одиночных согласных, таким образом, может быть объяснимо фонетическими особенностями воспринимающего русского языка.

Важно также обратить внимание на отсутствие фиксации геминат в позиции безударного слога после дифтонгов, представленное в материалах обоих карельско-русских словарей, например: па́са 'говорить', Пáйса 'пеки', па́ка 'платок', тáйта 'отец', 'А́йта 'клеть', Хáттъка 'ястреб' (ср. с. к.: *paissa, paissa, paikka, tuatto, aitta, haukka*). В этой связи стоит отметить, что явление сокращения геминат в анализируемой позиции было также зафиксировано в собственно карельских материалах словаря П. С. Палласа [Сравнительные словари] и памятниках тверской карельской письменности начала XIX в. (см.: [Тверские переводные памятники: 21]). Кроме того, оно распространялось не только на основу слова, но и на падежные аффиксы, например: шáлла 'направо', Шíвълу/сиоула 'тебе', **сиэла** 'там', **тяля** 'тут'. Такое положение вещей сохранилось в словоизменительных парадигмах местоимений современных собственно карельских говоров, ср. с. к.: *miula* 'мне', *teilä* 'нам', *šielä/šielä* 'там'. Все это может указывать на наличие явления сокращения геминат в прошлом языке, что кажется вполне естественным в слабой позиции слова.

Оппозиция согласных по признаку **глухости/звонкости**, характерная для всех собственно карельских диалектов, кроме севернокарельских, представлена в памятниках по-разному. В соловецких и русско-карельских словарных записях в звонком фонетическом окружении приведены звонкие смычно-взрывные и щелевые согласные, например: ню́блля 'пуговица', рéбо 'лиса', гав́ги 'щука', сяр́ги 'плотва',

кивга ‘печь’, ре^нги ‘ведро’, шу^лга ‘перо’, лóда ‘блюдо’, па́да ‘горшок’, ла́вда ‘доска’, ка́зи ‘кошка’, вúжи ‘год’, гíржи ‘бревно’; *лейбя* ‘хлеб’, *салба* ‘закрой’, *нойга* ‘сын’, *налга* ‘голодный’, *наго* ‘зрение’, *ведо* ‘дань’, *нядя* ‘куница’, *конды* ‘медведь’, *равда* ‘железо’, *ожюта* ‘покажи’, *кяржи* ‘терпеть’, *кюзюна* ‘прошу’, *лизя* ‘прибавь’. Среди этого последовательного ряда затерялся лишь один «глухой» случай апу^х ‘на помощь’. В памятнике 1668 г. в свою очередь, в одной и той же фонетической позиции используются как глухие, так и звонкие согласные, например: *Пáпу* ‘боб’ — *Рéбо* ‘лиса’, *Сíка* ‘свинья’ — *Хíга* ‘рукав’, *Хáлько* ‘дрова’ — *’Яльга* ‘ноги’, *Гéньки* ‘душа’ — *Хáньги* ‘гусь’, *Мáйто* ‘молоко’ — *Пáйда* ‘рубашка’, *Шíльта* ‘мост’ — *Кúльда* ‘золото’, *Лúсикъка* ‘ложка’ — *Кáзи* ‘кошка’, при этом важно отметить, что явление не отличается последовательностью. Количество фиксаций глухих согласных в тексте данного памятника более чем в два раза превышает количество фиксаций звонких.

Феннисты относят явление озвончения глухих согласных к древнекарельскому периоду функционирования языка и объясняют его результатом влияния древнерусской фонетической системы [Kalima 1934: 255; Leskinen 1964: 98], такой вывод подтверждается и данными анализируемых словарных записей. При этом для карельско-русского списка 1668 г. характерно наличие довольно большого процента фиксаций глухих согласных в звонком фонетическом окружении, что является особенностью фонетической системы финского языка. При этом однако некоторые из слов с глухим согласным содержат в своем составе шипящие согласные — яркий признак карельского (или ижорского) языка, например: *Шíльта* ‘мост’, *Шáтула* ‘седло’. Подобные примеры косвенно указывают на то, что местом записи словарного материала вполне мог быть Карельский перешеек, где в анализируемый период времени соседствовало карельское, ижорское и финское население. Следует отметить, что на уровне лексики также наблюдаются явные финские вкрапления. В этом контексте следует обратить внимание на два коротких фрагмента, представленных в конце словаря «Жёрска(й) язы́к в той (же) полестíнъ» и «Чúханъская в той же полестíнъ», содержащие лексемы ижорского и финского языков, распространенные в той же местности («полестине»), что и карельский, т. е. на Карельском перешейке, откуда в XVII в. и происходил отток карельского населения.

Материалы анализируемых словарных записей также предоставляют сведения относительно **дистрибуции переднеязычных щелевых согласных** — одного из важнейших маркеров карельской диалектной речи, имеющего ареальную природу. Распределение свистящих и шипящих согласных в языке памятников представлено следующим образом:

- в позиции перед гласным *i* в начале слова в первом и третьем словарях используется свистящий согласный, например: *сíби* ‘крыло’, *сиритá* ‘погладь’, *сия* ‘ты’, *сиэла* ‘там’, — тогда как в тексте карельско-русского словаря 1668 г. — шипящий, например: *Шíльметь* ‘глаза’, *Шíльта* ‘мост’, *Шíа* ‘ты’. Исключение из правила содержит слово *Сíка* ‘свинья’;
- в позиции перед гласным *i* в середине слова в интервокальной позиции обнаружены преимущественно свистящие согласные, например: *ка́зи/Кáзи* ‘кошка’, *Мéзи* ‘мед’, *Кáзи* ‘руки’, но *Кúжи* ‘ель’, — а в позиции после согласных — шипящие, например: *венегéкши* ‘по-русски’, *гíржи* ‘бревно’, *’iо^кши*

- ‘бежал’, *Лáпгши* ‘младенец’, *Кáкгши* ‘два’, *кáрьлáкгши* ‘по-карельски’, *Хíръжи* ‘бревно’, *кяръжи* ‘терпеть’, но *кагекси* ‘надвое’;
- в позиции после гласного *i* во всех источниках представлены свистящие щелевые, например: *ри́ти/Рíсти* ‘крест’, *па́са* ‘говорить’, *Пáйса* ‘пеки’, *’йса* ‘высеки’, *’Истуа* ‘сядь’, *Мúйса* ‘помни’, *’Иза* ‘отец’, *Вíзи* ‘пять’, *’Янись* ‘заяц’, *Вáрьсь* ‘ворона’, *ряхкагиста* ‘от грехов’, *Кáльлись/каллис* ‘дорогой’, *лизя* ‘прибавь’;
 - в словах переднерядного вокалического оформления (кроме позиций до или после *i*) в источнике начала XVIII в. использованы исключительно свистящие согласные, напр., *сюва* ‘есть’, *сюота* ‘накорми’, *саретъ* ‘голени’, *кюзюна* ‘прошу’, тогда как в двух других возможны оба варианта, например: *ш’у́вьа* ‘есть’, *сьарги/Шáрьки* ‘плотва’, *сáвньа* ‘язь’, *я́лешта* ‘сзади’, *Шю́а* — *Сю* ‘есть’, *Шéлька* ‘спина’, *Шéньпа* ‘кузнец’, *Кéжа* ‘лето’, *Лáжа* ‘лужа’, *Сю́льки* ‘слюна’, *Шéтьцемá* ‘семь’, *Сéтькю́мень* ‘семьдесят’;
 - в словах заднерядного вокалического оформления в более ранних памятниках за редким исключением отмечены шипящие согласные, например: *шoла/Шóла* ‘соль’, *шу́ла* ‘закрой’, *шу́та/Шу́лька* ‘перо’, *ту́лукша́* ‘огниво’, *ва́шта/Ва́шъта* ‘веник’, *но́шша* ‘подними’, *шпашта́* ‘учишь’, *вúжи* ‘год’, *Шóлáтъ* ‘кишки’, *Шу́рима* ‘крупá’, *Шáльба* ‘закрой’, *Шóръжа* ‘утка’, *Шáви* ‘глина’, *’Окъша* ‘сук’, *Мúшъта* ‘черный’, *Вáжа* ‘теленóк’, но *вазма́* ‘налево’, *лáса* ‘пусти’, *Сóръметъ* ‘пальцы’, — тогда как в русско-карельском словаре, наоборот, представлены преимущественно свистящие, например: *сана* ‘слово’, *салба* ‘закрой’, *осса* ‘купи’, *суле* ‘закрой’, *сарва* ‘выдра’, *армасса* ‘помилуй’, *сататате* ‘досаждаться’, *остаа* ‘купить’, *игастелете* ‘раду́йся’, *ревоста* ‘за лисицу’, но *о́жюта* ‘покажи’, *лаже* ‘пусти’;
 - на конце слова (не после гласного *i*) в карельско-русских записях используются шипящие, например: *тушъ/Тóгушъ* ‘свеча’, *’оу́ош* ‘вон’, *Тáйвашъ* ‘небо’, *Мíшъ* ‘человекъ’, *’Угúшъ* ‘осень’, *Лáмъмашъ* ‘овца’, но *Тéрасъ* ‘сталь’, — а в русско-карельском словаре — свистящие, например: *юлалусъ* ‘божество’, *гявитушь* ‘гибель’, *кореусъ* ‘гордость’, *илвес* ‘рысь’.

Таким образом, следует констатировать, что системы дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в анализируемых источниках представлены отличным образом. Наиболее близки друг к другу ранние карельско-русские словари. Отличия в использовании в них щелевых согласных обнаружены лишь в позиции начала слова перед гласным *i*, но в целом оба источника можно охарактеризовать довольно обильным употреблением шипящих согласных за исключением позиции после гласного *i* и части лексем переднерядного вокализма. Такая постановка явления характерна для современных севернокарельских и части южнокарельских диалектов (ребольско-ругозерско-тунгудская группа и группа диалектов центральной России) собственно карельского наречия и, очевидно, является прямым наследием соответствующей древнекарельской системы. Таким образом, к моменту массовых переселений фонетическая система древнекарельского языка уже дифференцировала фонемы [s] и [š], [z] и [ž], что требовало соответствующего их отражения на письме.

Языковеды возводят вызванную влиянием фонетической системы русского языка тенденцию к использованию шипящих согласных к периоду функциониро-

вания древнекарельского языка [Kalima 1934: 255–256], что засвидетельствовано писцовыми документами рубежа XV–XVI вв. Их идентичное присутствие, с одной стороны, в говорах Средней и Северной Карелии, а с другой — Верхневолжья, также подтверждает то предположение, что шипящие были принесены переселенцами-карелами в оба региона с территории исторической родины.

В результате переселений явление на различной почве получило отличное продолжение. В этом плане существенно отличаются от двух других анализируемых источников русско-карельские словарные материалы, поскольку в них представлено доминирующее использование свистящих согласных, звонкий шипящий выступает лишь в редких примерах в позиции перед гласным *i* в середине слова или в интервокальной позиции лексем заднерядного вокализма. Это совпадает с современным представлением явления в паданско-мяндусельгско-поросозерской группе южнокарельских диалектов собственно карельского наречия. Такое положение вещей может быть маркером для более точной локализации говора — источника данных для памятника. Важно отметить, что основной всплеск роста числа дворов в Лопских погостах приходится на вторую половину XVII в. — период массовых переселений карелов. Однако на рубеже XVII–XVIII вв. произошло вызванное неурожайными годами и карательными рейдами шведов запустение данной территории на 43 % [Чернякова 1998: 271–273]. За счет внутренней миграции в начале XVIII в. население наполовину опустошенных деревень Средней Карелии, очевидно, частично сменилось, в том числе за счет притока карелов с ливвиковско-людиковских территорий с противоположной постановкой дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, что, в свою очередь, могло найти отражение в языке анализируемого памятника.

Еще одним важным маркером карельской диалектной речи является **корреляция по твердости/мягкости**. В анализируемом материале на мягкость согласных указывают следующие за ними переднеязычные гласные, например: *сярги* ‘плотва’, *ри‘ти/Ристи* ‘крест’, *’Иза* ‘отец’, *’Тиа* ‘дорога’, *нюбля/Нюблять* ‘пуговица/пуговицы’, *лейбя* ‘хлеб’, *нядя* ‘куница’, *тяля* ‘здесь’, *лизя* ‘прибавь’. Примеры выраженного графически нарушения гармонии гласных в словах переднерядного вокализма (*сáвнѧ* ‘язь’, *Нáта* ‘куница’, *Лéйна* ‘хлеб’) могут, с одной стороны, быть объяснимы некоторыми трудностями передачи переднерядных гласных, не свойственных фонетической системе русского языка. Однако изобилие подобных примеров в русско-карельском словаре (*налгя* ‘голодный’, *наго* ‘зрение’, *ряхка* ‘грех’, *мида* ‘что’, *ловвинѧ* ‘нашел’), напротив, может являться свидетельством слабой степени палатализации согласных, выступающих в позиции перед переднерядными гласными *ä, ö, y, e*, что является характеристикой современной консонантной системы севернокарельских говоров и собственно карельских говоров Приграничной Карелии [Бубрих и др. 1997: 102–110], а также, согласно ряду исследований, было свойственно древнекарельскому языку, в котором смягчению подверглись лишь переднеязычные согласные, выступающие в положении перед гласным *i* (см., напр.: [Turunen 1946: 337; Leskinen 1998: 370–371]). К сожалению, графическая система памятника не позволяет сделать каких-либо более определенных выводов.

На сильную степень палатализации указывает использование в карельско-русском словаре 1668 г. и в русско-карельском словаре (один пример) графемы *ь* в позиции между согласными: *Тюньзи* ‘ноготь’, *’Яльки* ‘след’, *Кюльлане* ‘сытый’,

вельлюонь ‘братец’. Для говора — источника данных карельско-русского словаря также характерна четко выраженная палатализация на конце слова, например: *Кальлись* ‘дорогой’, *Говись* ‘дешевый’, *Вёмьмель* ‘дуга’, *Пётель* ‘толкач’, — свойственная современным южнокарельским диалектам собственно карельского наречия. Данных соловецкого карельско-русского словарного памятника недостаточно, чтобы проследить поведение согласных конца слова. Редкие примеры русско-карельского словаря (*каллис* ‘дорогой’, *илвес* ‘рысь’) вновь указывают на меньшую степень смягчения согласных, представленную в его материалах.

Язык памятников демонстрирует нестабильность характера согласных *r*, *d*, *t* в положении перед гласным *i*. С одной стороны, они выступают как твердые: *рыкать* ‘мусор’, *Нагрись* ‘репа’, *рыгъма* ‘нитка’, *ка́тыла/Кастыла* ‘котел’, *Конъдыа/конды* ‘медведь’, *Порътыма/пордымо* ‘горностай’, *Кунътыре* ‘слушай’, *Ваты* ‘холст’, *Лутыка* ‘клоп’, *Рухты нас* ‘Господь’. Однако в части примеров прослеживается мягкий характер этих согласных: *рипута* ‘повесь’, *ри́ти/Ристи* ‘крест’, *Ригъма* ‘нитка’, *Рыхъте* ‘сковорода’, *Кадитъ* ‘портки’. Такое положение вещей подтверждает предположение А. А. Беякова о том, что палатализация согласных *r*, *d*, *t* носит вторичный характер (см.: [Беяков 1949: 84–85]).

Фонологическая система

Материал анализируемых словарных записей позволяет обнаружить некоторое число примеров, демонстрирующих наличие в языке информантов фонологического явления чередования ступеней согласных, заключающегося в сокращении смычно-взрывных геминат или выпадении/замене одиночных смычно-взрывных согласных в ситуации закрытого слога.

В слабой степени количественной альтернативы геминаты сокращаются, например: *рыкать* ‘мусор’ (ср. с. к.: *rikka* ‘мусор’); *Ту́камъ* ‘волосы’ (*tukka* ‘волос’); *ви́рита* ‘зажги’ (*virittiä* ‘зажигать’); *рипута* ‘повесь’ (*riputtua* ‘вешать’); *Ваты* ‘холст’ (*vuattiet* ‘одежда’); *О́жумо/ожюта* ‘покажи’ (*ožuttua* ‘показывать’), *от-таа* ‘брат’;⁴ *О́та* ‘возьми’/*отамъ* ‘ты возьмешь’; *гавиття* ‘губитель’ : *гявितюсь* ‘гибель’; *юота* ‘напой’ (*juottua* ‘поить’); *Ка́ча* ‘смотри’ (*kaččuo* ‘смотреть’); *Не́йчють/нейчютъ* ‘девушка’ (*neiččyöt* ‘девушки’).

Одиночные смычно-взрывные в интервокальном окружении в результате качественной альтернативы выпадают или замещаются согласными *v*, *j*, например: *ма́та/ма́та* ‘спать’ < **magat-* (*maguan* ‘я сплю’); *Ра́гъ* ‘град’ (*ragehet* ‘градины’); *На́й* ‘видел’/*натко* ‘видишь ли’ (*nägie* ‘видеть’); *ке́льа* ‘рукой’ (*käde-* сильная основа от *käzi* ‘рука’); *Э́нь ѡвъва* ‘не свободен’ (*joudua* ‘иметь свободное время’); *тия́тко* ‘знаешь ли’ (*tiediä* ‘знать’); *лай* ‘делай’ (*luadie* ‘делать’); *ни́я* ‘держи’ (*pidiä* ‘держат’); *ловви́нь* ‘я нашел’ (*löydiä* ‘находить’); *ребо* ‘лиса’ : *ревоста* ‘за лису’; *ро́ве* ‘короб’ (*robehet* ‘коробы’); *ва́ву* ‘устал’ (*vaibuio* ‘устать’).

В звонкой постконсонантной позиции происходит прогрессивная ассимиляция смычно-взрывных *d/t*, *b/p*, например: *’а́но/’Анъна/анна* ‘дай’ (*andua* ‘давать’), *ка́нна/канна* ‘вынеси’ (*kandua* ‘носить’), *Ла́мъмаиъ* ‘овца’ (*lambahat* ‘овцы’), *Вёмьмель* ‘дуга’ (*vembelet* ‘дуги’).

⁴ Знаком : традиционно помечаются чередующиеся формы основ.

Палатальный смычно-взрывной в позиции после *l* (вероятно также *r*) выпадает, например: *ялешта* ‘назад’ (*jälgi* ‘след’), *шула/суле* ‘закрой’ (*sulgie* ‘закрывать’), *Сюле* ‘плюнь’ (*šylgie* ‘плевать’), *Кельляйла́мъ* ‘колокольня’ (*jälga* ‘нога’), — как это происходит в севернокарельских и северной части южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, в отличие от прогрессивной ассимиляции, характерной для остальных собственно карельских, а также ливвиковских диалектов (ср., *jällesti, šulle, šylle, jallat*). Согласно Х.Лескинену, древнее ливвиковское наречие, для которого было характерно уравнивание слабоступенных форм чередования дентального и палатального смычно-взрывных согласных, оказало влияние на язык Корельского уезда [Leskinen 1998: 378]. Однако данные словарных записей, хоть и крайне скудные, указывают на отсутствие в языке карельских переселенцев геминаты в анализируемой позиции. В таком случае можно сделать осторожный вывод о том, что нивелирование слабых ступеней дентального и палатального согласных в позиции после сонорного согласного произошло в диалектах собственно карельского наречия уже в ходе их самостоятельного развития.

В словарной записи 1668 г. обнаружен единственный пример, демонстрирующий чередование сочетания согласных *ng/nk*, находящегося за рамками альтернации во всех современных диалектах карельского языка: *Кёни* ‘я́лькашь’ ‘обуйся’ (*kenkie* ‘обувать’). Дефицит материала не позволяет сделать вывод о наличии/отсутствии данного вида чередования в прошлом карельского языка. Представленный пример может быть результатом восприятия через русскую фонетическую систему согласного *n*, изменяющего свое качество в [ŋ] в позиции перед палатальным согласным, что в свою очередь влияет и на артикуляцию самого палатального согласного.

Данные памятников позволяют говорить о довольно последовательном представительстве чередования смычно-взрывных согласных, выступающих в глухой постконсонантной позиции — после щелевых *h, s, š* и смычно-взрывного *t*, что подтверждает факт наличия этого вида фонологического явления в древнекарельском языке, например: *Пёмель* ‘толкач’ (*petkelet* ‘толкачи’); *пю́ги* ‘подмети’ (*pyuhkie* ‘мести’); *йса* ‘высеки’ (*iskie* ‘бить’); *ла́са/ла́же* ‘пусти’ (*laškie* ‘пускать’); *Ка́зимъ* ‘велел’ (*käskie* ‘велеть’); *мага*^т ‘ты умеешь’ / *Мага́мъко* ‘умеешь ли’ (*mah-tua* ‘уметь’); *Та́гемъ* ‘звезды’ (*tähti* ‘звезда’); *Та́гаишъ* ‘тесто’ (*tahtahah* ‘в тесто’); *ка́гекси* ‘надвое’ (*kahde-* сильная основа от *kakši* ‘два’); *ма́го* ‘хочешь’ (*tahtuo* ‘хотеть’); *но́шша* ‘подними’ (*noštua* ‘поднимать’); *Па́йса* ‘пеки’ (*paistua* ‘печь’); *Му́йса* ‘помни’ (*muistua* ‘помнить’); *Ва́лаше* ‘запряги’ (*val’laštua* ‘запрягать’); *ар-масса* ‘помилуй’ (*armastua* ‘миловать’); *оста* ‘покупать’ : *О́сша/осса* ‘купи’, но *шпа́шта*^т ‘ты учишь’ (*opāštua* ‘учить’).

Словоизменительная система

Формат словника анализируемых памятников позволяет получить довольно скудный материал для анализа их морфологических систем. Все же приведение некоторых лексем не в начальных/словарных формах, а также наличие незначительного числа фраз предоставляют некоторую грамматическую информацию о карельском языке анализируемого периода времени.

Именная словоизменительная система представлена главным образом формами номинатива единственного числа одноосновных и двусловных имен. Для образования **множественного числа номинатива** используется формант *-т/-тѣ/-тъ*: тулѹкша^т ‘огниво’, рыкаѣтъ ‘мусор’, Шильметь ‘глаза’, Харѣтатѣ ‘плечи’, Нюблатѣ ‘пуговицы’, саретѣ ‘голени’.

Из косвенных падежей в тексте встречаются исключительно формы единственного числа:

- **генетива** с формантом *-нѣ*: Миѹнѣ/миунѣ ‘мой’, сиюнѣ ‘твой’, юмаланѣ ‘божий’, мянѣ ‘наш’;
- **партитива** с формантами *-да/-да, -та, -а*: ту^лда ‘огня’, Мида/мида ‘чего’, юода ‘ночи’, ряхкагиста ‘грешного’, сататуста ‘досады’, вуотта ‘лет’, ойгияя вѣруа ‘правую веру’, армуа ‘милости’, а также особая форма личного местоимения *милма*;
- **транслатива** с формантом *-ѣи/-кѣши/-кии/-кси*: карлаѣи/карѣалакѣши ‘по-карельски’, венегѣкѣши ‘по-русски’, кагекси ‘надвое’;
- **эссива** с формантом *-на*: тервегена ‘здоровым’;
- **инессива** с формантом *-шѣи*: Кушѣ шѣлитѣ ‘где ты был’;
- **элатива** с формантом *-шта/-ста*: ѡлешта ‘сзади’, пакказеста ‘от мороза’, муиста ‘от иных’, ревеста ‘за лису’;
- **иллатива** с формантом *-х*: ‘апу^х ‘в помощь’;
- **адессива-аллатива** с формантами *-лѣа, -ла/-ла/-ля, -л/-лѣ* (в том числе застывшими в составе наречий): вазма^л ке^ллѣа ‘налево’, ш^лѣла ‘направо’, вѣцель ‘ножом’, Миѹла ‘у меня’, тѣйла ‘у вас’, сиюла ‘у тебя’, сизла ‘там’, тѣлѣа ‘здесь’.

В самом объемном словаре (1668 г.) также удалось обнаружить редкие примеры использования притяжательных суффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа: Миѹланѣ ‘мне’, Кѣни ѣлѣкашѣ ‘обуй твои ноги’.

Глагольная словоизменительная система представлена в большинстве своем формами **2-го лица единственного числа императива**, совпадающими со слабой гласной основой глагола: ‘ано/’Анѣна/анна ‘дай’, пюги ‘подмети’, вирита ‘зажги’, ‘йса ‘высеки’, ка^ннна/канна ‘вынеси’, рипута ‘повесь’, Кѣча ‘смотри’, Вѣла ‘скрой’, Сюле ‘плюнь’, Лѹкѣку ѡ ‘закрой’, Нѡвѣже ‘встань’, Шюа ‘ешѣ’, куле ‘услышь’, ляммитѣ ‘истопи’, салба ‘закрой’, пагая ‘говори’, туо ‘принеси’, мюо ‘продай’, веню ‘лежи’. Кроме того, в русско-карельском словаре приведено по одному примеру образования форм **2-го лица множественного числа** и **3-го лица единственного числа императива**: кулга ‘слышѣте’, олгахѣ ‘пусть будет’.

В словарных материалах нашли отражение следующие лично-числовые глагольные формы презенса индикатива:

- **1-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-н/-нѣ*: ва^иву^н ‘устаю’, Куланѣ ‘слышу’, Маганѣ ‘умею’, ‘Энѣ ѡвѣва ‘не свободен’, качкуввун ‘угорю’, тягон ‘хочу’;
- **2-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-т/-тѣ*: мага^т ‘умеешь’, шпашта^т ‘учишь’, кулетро ‘слышишь ли’, натко ‘видишь ли’, тѣятко ‘знаешь ли’, тѣрпатѣ ‘терпишь’, отатѣ ‘возьмешь’, тяготто ‘хочешь ли’;

- **3-го лица единственного числа** с лично-числовым показателем *-в/-въ*: *аву^т-та^в* ‘поможет’, *туло^в/Туловъ* ‘будет’, *пидь^в* ‘нужно’, *лѣневъ* ‘будет’, *Такувъ* ‘кует’, или отсутствием показателя, объяснимым особенностями передачи долгих гласных, например: *Кѣгу* ‘кипит’, *Кѣнь кѣжю* (ср. с. к.: *kiehiii, kužuu*). Также обнаружена единственная негативная форма: *’Эйтүл* ‘не придет’;
- **3-го лица множественного числа**: *Звѣнита* ‘звонят’. Эта форма отражает характерное для карельского языка явление использования пассивной формы в значении актива.

В формах **имперфекта индикатива** нашло отражение наличие трех видов чередования гласных *e : o, a/ä : o, VV : Vi*, происходящих вследствие присоединения словоизменительного показателя прошедшего времени *-и/-ы/-й*: *’іо^кши* ‘он бежал’, *Отынь* ‘я взял’, *Лѣкѣшинъ* ‘я пошел’, *Лѣкѣши* ‘он пошел’, *Тулинъ* ‘я пришел’, *Мѣнитить* ‘ты обманул’, *о́литъ* ‘ты был’, *Кѣли/куоли* ‘он умер’, *ловвинъ* ‘я нашел’, *ловитко* ‘нашел ли ты’, *кулитго* ‘слышал ли ты’, *оуйной* ‘он уснул’ (ср. гласные основы в с. к.: *juokše-, ota-, lähe-/lähte-, tule-, tuanita-, ole-, kuole-, löyvä-, kuule-, uinuo-*).

Единичными примерами представлен **I инфинитив** с показателями *-ва/-ва, -са, -та, -а*: *ш’у^вва/сюва* ‘есть’, *ява* ‘пить’, *па^иса/пѣйса* ‘говорить’, *мѣта/мѣта* ‘спать’, *оттаа* ‘брать’, а также без показателя, что вызвано, опять же, передачей долгих гласных одиночным: *нѣтъта* ‘косить’, *оста* ‘покупать’. Обнаружен единственный пример употребления **III инфинитива в форме иллатива**: *осемахъ* ‘быть’, а также несколько субстантивированных причастий настоящего: *куолия* ‘мертвый’, *гавиття* ‘губитель’, и прошедшего времени: *куоллутъ* ‘мертв’.

В целом стоит отметить, что представленные в анализируемых памятниках в скудном объеме грамматические формы не позволяют выявить наличия каких-либо отличий в словоизменительных системах говоров, послуживших источником материала, а также совпадают с современной словоизменительной системой собственно карельского наречия карельского языка.

Заключение

Произведенный в рамках настоящего исследования сравнительный анализ материалов словарных памятников карельского языка второй половины XVII — начала XVIII в. позволяет говорить об их относительной идентичности. Обращает на себя внимание довольно последовательная передача фонетических и грамматических систем карельских говоров, послуживших источником данных для создания списков. Очевидные трудности у собирателей — носителей русского языка — вызвала передача особенностей карельского вокализма (переднерядных гласных, долгих гласных, расширяющихся дифтонгов) средствами кириллической графики того времени. При этом стоит отметить довольно удачное отображение таких особенностей карельского консонантизма, как дистрибуция свистящих и шипящих согласных, палатализация, оппозиция по глухости/звонкости, что, в свою очередь, помогло подтвердить или более точно локализовать возможные говоры — источники материалов.

Анализ графо-фонетической системы памятников позволил выявить ряд особенностей карельского языка анализируемого периода времени, часть из которых

можно определить как архаизмы, а часть — как инновации. Альтернативная и словоизменительная системы, представленные в материалах словарей, не обнаруживают каких-либо отличий как между собой, так и с современными собственно карельскими данными, что говорит об их как минимум древнекарельских корнях и относительной устойчивости, проявляющей себя на протяжении уже нескольких столетий.

Наиболее важный научный результат анализа источников — это, с одной стороны, подтверждение ряда древнекарельских реконструкций, предложенных ранее на косвенных данных, с другой — уточнение ряда позиций, характеризующих фонетическую и фонологическую системы древнекарельского языка на позднем этапе его существования. В частности, в области гласных выявлено, что в ней, очевидно, существовали еще долгие **aa*, **ää*, а также **ui*, **uu*, так что процесс преобразования второго компонента долгих гласных в апромоксимант, свойственный современным наречиям, для нее не был еще характерен. Подтверждается выпадение *i* из исторического суффикса **-ise* еще на древнекарельском этапе, на что указывали исследователи и ранее. В свою очередь, в области согласных язык документов свидетельствует о древнекарельском характере дифференциации *s* и *š*, *z* и *ž*, озвончения глухих согласных, сохранения геминат в позиции после сонорных согласных и их сокращения в позиции перед сужающимися дифтонгами, слабой степени палатализации *r*, *d*, *t*. В альтернации согласных документально доказан древнекарельский характер чередования смычно-взрывных после щелевых *h*, *s*, *š* и смычно-взрывного *t*, а также выпадение палатального смычно-взрывного в позиции после сонорного.

Языковые особенности каждого из памятников позволили идентифицировать как место их записи, так и говор (или группу говоров), которые использованы в списках. И если в случае словника, записанного соловецким узником, было априори понятно, что запись произведена от носителя/носителей южного собственно карельского говора (говоров) района Карельского Поморья, то два других памятника не столь однозначны для идентификации. Анализ показал, что есть как языковые (определенный разноречивостью в отражении звонких и глухих согласных в словаре Федора Коломнятина, некоторое число нехарактерных для карельского языка лексем), так и косвенные (карельский язык, судя по тексту рукописи, бытовал в одной «полестине» (т. е. местности) с ижорским и чухонским, т. е. финским) указания на то, что карельско-русский словарь 1668 г. был составлен, скорее всего, в районе Карельского перешейка. В XVII в. язык карелов исконной территории проживания и Верхнего Поволжья, где в это время сформировалась диаспора, был еще един. В свою очередь, русско-карельские словарные записи начала XVIII в. из собрания П. П. Вяземского были произведены, исходя из некоторой специфической лексики, а также маркерного паданско-тунгудского варианта *пагая* гласной основы глагола *paissa* 'говорить', на территории Центральной Карелии. Кстати, на идентичный диалектный источник указывают и записи соловецкого узника Феофана, что может на самом деле косвенно подтверждать правомочность предполагаемых языковых истоков записи из собрания Вяземского. Считается, что она составлялась для проведения торговых операций в Карелии и несет следы старообрядческого текста. Эти внешние условия вполне вписываются в ситуацию Карельского Поморья, через которое проходил торговый путь на Соловки.

Источники

- Мещерский 1961 — Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. В сб.: *Прибалтийско-финское языкознание*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 16–32.
- Бубрих и др. 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. *Диалектологический атлас карельского языка*. Helsinki: SUS, 1997.
- Описание рукописей — *Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии*. Порфирьев И. Я., Знаменский П. В., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. и др. (сост.). Казань: [Б. и.], 1885. С. 186–188.
- Перетц 1903 — Перетц В. Н. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия. *Русский филологический вестник*. 1903, (3–4): 148–149.
- Сравнительные словари — *Сравнительные словари всех языков и наречий*. Паллас П. С. (сост.). В 2 ч. СПб.: Тип. у Шнора, 1787–1789.
- Leskinen 1933 — Leskinen E. *Tulemajärven murteen vokalismi*. Helsinki: SKS, 1933.
- Mikkola 1901 — Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta. *Virittäjä*. 1901, (5): 101–102.
- Mikkola 1932 — Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo. *Virittäjä*. 1932, (36): 101–104.

Литература

- Беляков 1949 — Беляков А. А. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. В сб.: *Советское финноугроведение*. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 84–85.
- Муллонен, Новак 2023 — Муллонен И. И., Новак И. П. Графо-фонетическая, фонологическая и словоизменительная системы карельско-русского словаря в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г. Исследования и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. С. 219–244.
- Муллонен, Панченко 2013 — Муллонен И. И., Панченко О. В. *Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан*. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2013.
- Новак 2016 — Новак И. П. *Тверские диалекты карельского языка. Фонетика, фонология*. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016.
- Памятники лексикографии — Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г. Исследования и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023.
- Савельева 2019 — Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина. *Русская литература*. 2019, (3): 54–63.
- Савельева и др. 2021 — Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года. *Linguistica uralica*. 2022, (4): 250–276.
- Тверские переводные памятники — *Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в.* Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2020.
- Чернякова 1998 — Чернякова И. А. *Карелия на переломе эпох*. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1998.
- Kalima 1934 — Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. *Virittäjä*. 1934, (38): 254–256.
- Leskinen 1964 — Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964, (68): 97–115.
- Leskinen 1998 — Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. В сб.: *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
- Rapola 1966 — Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SUS, 1966.
- Turunen 1946 — Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria. Konsonantit*. Helsinki: SUS, 1946.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2023 г.

Статья рекомендована к печати 14 мая 2024 г.

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of
the Russian Academy of Sciences,
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russia
irma.mullonen@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

Irina P. Novak

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of
the Russian Academy of Sciences,
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russia
novak@krc.karelia.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Old-Karelian language features in written language heritage of the second half of the 17th — early 18th centuries*

For citation: Mullonen I. I., Novak I. P. Old-Karelian language features in written language heritage of the second half of the 17th — early 18th centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (3): 720–740. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.312> (In Russian)

The article presents the results of a study of the phonetic, phonological, and morphological systems of three dictionary entries made in the mid-17th century— early 18th century in the Karelian Proper supradialect of the Karelian language: 1) Karelian-Russian glossary made by Archimandrite Theofan in 1667 on Solovetsky Islands; 2) Karelian-Russian dictionary by Prokhor Kolomnyatin, 1668, presumably written down in the Upper Volga or the Northern Ladoga region; 3) early 18th century Karelian-Russian glossary from the collection of P. P. Vyazemsky, probably based on Middle Karelian patois. The comparative analysis of the relatively identical materials from these manuscripts performed here for the first time and involving also data from modern Karelian- Proper dialects has revealed some distinctive features of the Karelian language at the time of mass migrations of Karelians. Noteworthy phenomena in the phonetic system, characteristic of the final stage in the functioning of the Old Karelian language, are incomplete diphthongization process, reduction of geminates in front of descending diphthongs, voiced/voiceless consonant opposition, differentiation of “hissing” and “whistling” fricatives, minor palatalization of front consonants. The language of Karelian immigrants obviously featured all types of consonant alternations found in modern Karelian- Proper dialects. As the material was derived from dictionaries, we could not reconstruct the full inflectional paradigms of the Karelian language of the time. The data available, however, proved sufficient for concluding that the morphological system of the Karelian- Proper supradialect has been relatively stable over the past several centuries. The material presented in this study will occupy a worthy position in the process of studying the history of the Karelian language development and formation of its dialectal system.

Keywords: old-written language heritage, Karelian language, phonetics, inflectional system, dialectology.

References

Беляков 1949 — Beliakov A. A. Phonetics of the Karelian dialect of Tolmachi Kalinin region. In: *Sovetskoe finnougrovedenie*. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1949. P. 84–85. (In Russian)

* The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences no. 124022000089-4 “Baltic-Finnic languages of North-West Russia in the context of digitalization of scientific knowledge”.

- Муллонен, Новак 2023 — Mullonen I. I., Novak I. P. Grapho-phonetic, phonological and inflectional systems of the Karelian-Russian dictionary in the “Tsvetnik” by Prokhor Kolomnyatin. *Pamiatniki leksikografii v “Tsvetnike” Prokhora Kolomniatina 1668 g. Issledovaniia i teksty*. Moscow; St Petersburg: Al’ians-Arkheo Publ., 2023. P. 219–244. (In Russian)
- Муллонен, Панченко 2013 — Mullonen I. I., Panchenko O. V. *The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan of Athos*. Petrozavodsk: Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2013. (In Russian)
- Новак 2016 — Novak I. P. *Tver dialects of the Karelian language. Phonetics, phonology*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2016. (In Russian)
- Памятники лексикографии — Monuments of lexicography in Prokhor Kolomnyatin’s “Flower Garden” of 1668. Research and texts. Moscow; St Petersburg: Al’ians-Arkheo Publ., 2023. (In Russian)
- Савельева 2019 — Savel’eva N. V. Unknown Samples of Lexicographical Legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaia literatura*. 2019, (3): 54–63. (In Russian)
- Савельева и др. 2021 — Savel’eva N., Mullonen I., Fedjuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian Dictionaries in a Hand-written Volume Dated 1668. *Linguistica uralica*. 2022, (4): 250–276. (In Russian)
- Тверские переводные памятники — *Tver translated monuments of Karelian writing in the early 19th century*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2020. (In Russian)
- Чернякова 1998 — Chernjakova I. A. *Karelia at the turn of epochs*. Petrozavodsk: Izdatel’stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1998. (In Russian)
- Kalima 1934 — Kalima J. Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta. *Virittäjä*. 1934, (38): 254–256.
- Leskinen 1964 — Leskinen H. Suomen itämurteet keskiajan ja uuden ajan taitteessa. *Virittäjä*. 1964, (68): 97–115.
- Leskinen 1998 — Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. В сб.: *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: SKS, 1998. S. 352–382.
- Rapola 1966 — Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SUS, 1966.
- Turunen 1946 — Turunen A. *Lyydiläismurteiden äännehistoria. Konsonantit*. Helsinki: SUS. 1946.

Received: March 6, 2023

Accepted: May 14, 2024